

«А ОТДАНА ИМ ТА ПУСТОШЬ НА ОБРОК БЕС ПЕРЕКУПКИ...»

*(Об особенностях формирования
вотчины Свяжского
Богородицкого монастыря)*

Свяжский Богородицкий монастырь стал не только центром организации богослужебной практики, но и возглавил политическую линию правительства, нацеленную на распространение и насаждение православного мировоззрения на территории проживания преимущественно языческого населения. Он был первым духовным учреждением, осуществлявшим во второй половине XVI-XVII в. интенсивную колонизацию земель Горной стороны бывшего Казанского ханства. Фактически до конца XVII столетия в качестве феодального вотчинника он доминировал в хозяйственно-экономической жизни правобережной части Казанского края. Эти обстоятельства определяют актуальность изучения истории духовного учреждения, основанного и функционировавшего на новоприобретенной территории в иноконфессиональном окружении, и объясняют необходимость введения в научный оборот малоизвестных материалов, расширяющих представления об особенностях его жизнедеятельности.

Монастырь был основан архимандритом Германом не позднее июня-июля 1555 г. на территории крепости, построенной на острове, в устье реки Свяиги*. Как утверждает летописец, 7 февраля 1555 г. архимандрит Герман был выбран царем для «составления» монастыря и вместе с архиепископом Гурием, назначенным главой новоучрежденной Казанской епархии, и Варсонофием, получившим задание основать монастырь, отправлен в Казань¹. Однако вряд ли решение о направлении этой троицы, обладающей разносторонними знаниями и организаторским талантом, в мусульманско-языческий регион для развертывания деятельности православной церкви было единоличным. О влиянии церкви на внешне- и внутриполитический курс светской власти того времени хорошо известно.

О значении, которое придавалось данному начинанию, свидетельствует и выдача посланцам накануне отъезда приговора, в котором был описан маршрут их продвижения из Москвы в Казань, указаны пункты специальных остановок и изложена программа церемонии встреч². Эта поездка должна была носить демонстративно-пропагандистский характер, олицетворять победное шествие христианства на восток и указать на последующее ожидаемое торжество идей православия и вытеснение мусульманства с политико-идеологической сцены.

16 мая 1555 г. архимандриту Герману была дана жалованная обельно-несудимая грамота, закреплявшая его привилегированное положение, иммунитет будущего владения, фактическую власть над той территорией с ее

* Остров расположен в 30 км от с. Верхний Услон, центра одноименного района Республики Татарстан.

обитателями, которую в перспективе он мог объять и превратить в «свою». Предоставление судебного иммунитета как по гражданским, так и по уголовным делам было подтверждено 9 августа 1585 г. царем Фёдором Ивановичем, 20 марта 1599 г. царем Борисом Фёдоровичем с сыном³, что не оставляет сомнений в содействии и заинтересованности правительства в выполнении монастырем своей миссии и его особом статусе. Ведь, согласно общепринятой практике, судебные полномочия монастырского руководства не распространялись на монашествующую братию и крестьян, совершивших тяжкие уголовные преступления.

Судя по тому, что 20 марта 1556 г. в царскую казну были приняты деньги от игумены Суздальского Покровского монастыря, предназначавшиеся архиепископу и двум архимандритам — казанскому и свияжскому, монастырь в свияжской крепости уже функционировал⁴. Не оставляет сомнений в совершении в нем богослужений и распоряжение Гурия от 26 апреля 1556 г. о допуске к церковной службе приходящих священников и дьяконов⁵. Еще одно распоряжение Гурия от 8 июля 1556 г. об изъятии архимандрита и «братьи» из-под юрисдикции свияжского воеводы указывает как на появление в монастыре братии, так и на определенное игнорирование представителями местной администрации судебного иммунитета монастыря. Более того, оно представляет собой проявление конкуренции второй (церковной) ветви власти в этой части региона со светской ее составляющей⁶. И, думается, это противостояние и вызвало к жизни распоряжение архиепископа Гурия, уточняющее прежнюю царскую грамоту от 16 мая 1555 г.

Гурий объявил в ней о подсудности архимандрита Свияжского монастыря архиепископской кафедре: «а кому будет дело до архимандрита, и язъ по него посылаю свою грамоту и сужу его язъ самъ по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець». В случае подачи иска на священников и братию, архиепископ письменным распоряжением подтверждал возложение судебных полномочий на архимандрита: «и язъ посылаю къ архимандриту свою грамоту, и онъ ихъ управливаетъ у себя въ монастыре». Мирские священники, дьяконы и весь церковный причт подлежали суду архимандрита с «братьею или кому прикажет»⁷.

В 1621 г. из Приказа Казанского дворца от имени царя Михаила Фёдоровича архимандриту Иоакиму «с братьею» была выдана очередная грамота, содержащая и обельно-несудимую часть⁸. Она перекликалась с упомянутой грамотой от 16 мая 1555 г. и провозглашала полную несудимость монастырских людей от представителей царской власти в Свияжске. Наместники, т. е. воеводы, не имели права вмешиваться во взаимоотношения между «братьею», слугами, деловыми людьми и крестьянами монастыря, все упомянутые категории населения были подсудны архимандриту или облеченному этим правом лицу. Если монастырские люди и крестьяне привлекались к суду наряду с посадскими или уездными людьми, т. е. суд был «смешанным», то степень правоты или виновности подсудимых определялась коллегиально, с участием представителя светской (воеводы, дьяки) и монастырской (архимандрит, приказчик) администраций.

Схожими были и клаузулы о судимости архимандрита «с братьею», их людей и крестьян. В случаях подачи исков на них, право суда вновь было закреплено за царем или назначенным им лицом («кому царь прикажет»),

а не за архиепископом, как было провозглашено в 1556 г. архиепископом Гурием. Согласно первой несудимой грамоте, царь этим правом суда мог облечь дворецкого, возглавлявшего приказ, в ведении которого мог оказаться город Свияжск. До учреждения приказа Казанского дворца, время организации которого относится гипотетически к концу 50-х — началу 60-х гг. XVI в., царские судебные функции могли быть переданы судье приказа Большого дворца. К сожалению, не только предыдущие, но и грамота 1621 г. об этом умалчивают.

Совершенно новым элементом, появившимся в грамоте 1621 г., стала фраза, сообщающая о сроках, в которые разрешалось предъявлять иски и производить судебные разбирательства в отношении администрации, служек, монахов и феодально-зависимого населения монастыря. Было установлено три срока поставки к суду: на Рождество Христово*, на Троицу** и на Семёнов день летопроводца***. На протяжении XVII столетия они оставались неизменными. 17 марта 1646 г. действие грамоты продлил царь Алексей Михайлович⁹.

Эти судебные сроки фигурируют и в грамоте от 25 ноября 1626 г. Казанскому и Свияжскому митрополиту Матвею «с братьею». Они были признаны действующими и всеми последующими правителями: 29 марта 1660 г. царем Алексеем Михайловичем митрополиту Лаврентию, 20 января 1680 г. царем Фёдором Алексеевичем и 16 мая 1683 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами митрополиту Иоасафу¹⁰. Введение единой нормы судебного иммунитета в отношении мужского Свияжского монастыря и митрополичьей кафедры в Казани, очевидно, было связано с пересмотром привилегий всех монастырей, предпринятым в 20-е гг. XVII в. правительством Михаила Фёдоровича¹¹. Следует отметить, что до введения этого правила духовным учреждениям были определены свои сроки «поставки» к суду. Например, по грамоте 1599 г. судебные иски в отношении Иоанно-Предтеченского Железоборовского монастыря рассматривались боярином Большого дворца дважды в год¹²: зимой — на следующий день после Крещения****, летом — в Петров день*****. В соответствии с грамотой 1606 г. власти, братия и крестьяне Троице-Сергиева монастыря являлись на суд один раз в году — в день рождества Христова¹³.

Сведения о составе и численности монашеской братии рассматриваемой обители в первые годы ее функционирования и в последующее время нам не известны. Правда, в декабре 1659 г. царь Алексей Михайлович распорядился о назначении в келари Свияжского Богородицкого монастыря старца Казанского Преображенского монастыря Иоасафа Артемьева. При вступлении в должность келарю следовало составить полное описа-

* Рождество Христово — непереходящий церковный праздник, приходится на 25 декабря по юлианскому календарю.

** «Троицын день», или «Пятидесятница» — переходящий церковный праздник, приходится на воскресный день после седьмой седмицы = недели, т. е. 50-й день после переходящего церковного праздника — Пасхи.

*** «Семёнов день», или «Симеон-столпник», или «день Семионалетопроводца» — непереходящий церковный праздник, приходится на 1 сентября по юлианскому календарю.

**** «Крещение», или «Богоявление» — непереходящий церковный праздник, приходится на 6 января по юлианскому календарю.

***** «Петров день» — непереходящий церковный праздник, приходится на 29 июня по юлианскому календарю.

ние монастыря, в том числе переписать «старцов и служек и служебников и детенышев»¹⁴. Из этого можно вынести заключение о составе братии, но поскольку сами описные книги до наших дней не сохранились, то установить численность монашествующих не представляется возможным. Несомненно, этот показатель был величиной непостоянной. Количество братии резко возрастало вследствие социально-политических кризисов, особенно в первые десятилетия XVII в. Так, к 1616 г. в монастырь прибыло 94 брата, кроме них в числе новоприходцев были еще служки и всякие работные люди¹⁵. Вместе с тем численность братии сокращалась вследствие естественных причин, эпидемий, социальных конфликтов, перехода монахов и священников в другие духовные учреждения и т. д.

Монастырь первоначально находился под особым патронатом царского правительства. Оно, по-видимому, задачу финансового обеспечения будущего Успенского монастыря в Свияжске возложило на духовные учреждения, расположенные в центральных областях государства, в том числе и на Суздальский Покровский монастырь, обязав игуменью ежегодно вносить в казну надлежащую сумму без напоминания¹⁶. Включение региона в фискальную орбиту Российского государства во второй половине XVI в. шло медленно и трудно. Бесспорно, военные действия, смена власти и разрушение ее структуры привели к сокращению и разорению населения бывшего ханства, нарушению порядка сбора налогов. Попытки регулирования положения дел в податной сфере чередовались с утратой контроля над отдельными областями региона из-за каскада восстаний. Мало способствовали налаживанию фискальных поступлений в казну злоупотребления воевод, остававшихся в плену наместничьих представлений о своих правах и функциях. К тому же правительство Ивана IV, приглашая присягнуть себе, не ограничивалось лишь демагогическими обещаниями, но и на деле действительно оказалось вынуждено предоставить населению налоговые льготы на три и более года. А если вспомнить еще и затяжную Ливонскую войну, то состояние казны представить несложно.

Тем не менее размер руги, которую получил монастырь в 1563 г., был весьма значительным: «В Свияжской архимариту Герману шло Государева жалованья: денег 500 рублевъ, ржи 500 четьи, муки ржаные 500 четьи, пшеницы 200 четьи, муки пшеничные 100 четьи, крупъ гречневыхъ 50 четьи, крупъ овсяныхъ 80 четьи, толокна 50 четьи, гороху 50 четьи, конопель 50 четьи, солоду ячново 300 четьи, овса 500 четьи, масла коровья 50 пудъ, меду 200 пудъ, патоки 20 пудъ, ветчины 100 полоть, вина церковного 4 ведра, воску на свечи 6 пудъ, ладану 129 гривенокъ, шафрану две гривенки, перцу полпуда, инбирю 5 гривенокъ, гвоздики 2 гривенки, корицы 2 гривенки, шафрану 2 гривенки, ореховъ мушкатныхъ 2 гривенки, ядеръ миндалныхъ 5 гривенокъ, бронцу пудъ, горчицы 5 гривенокъ, за конопляное масло 2 рубли, соли 300 пудъ»¹⁷.

Когда именно установилось и как долго продолжалось такое обеспечение, сказать трудно. Скорее всего, щедрость правительства объяснялась потребностями продолжающегося строительства. Проблема материального содержания представителей духовенства, думается, не решалась с легкостью, как это может показаться из вышеприведенного абзаца. Содержать монастыри было для казны делом достаточно обременительным. Система обложения, не отличавшаяся единообразием и базировавшаяся на разнове-

ликой сохе, выти и ясаке, за годы Смутного времени вовсе расстроилась. Воеводы с мест сообщали о невозможности сбора хлеба и денег за хлеб на жалование служилым людям. Поэтому перерывы в обеспечении ругой были неминуемы. Указанные обстоятельства заставляли правительство сокращать «жалование» монастырям из казны и поддерживать их руководство в поисках иных путей и способов обеспечения и гарантированного получения средств «на монастырский обиход». В результате неоднократных пересмотров объем руги, выдаваемой Богородицкому монастырю, постепенно сократился до минимума: в 1621 г. по распоряжению Михаила Фёдоровича велено было давать обители «по четвертине вина на год церковного, по пяти пуд воску, по пуду ладону, по штидесят пуд меду» из казны в Свияжске (вино и ладан) и Казани (мед и воск)¹⁸.

Главным средством материального обеспечения монастыря стала земля и другие имущественные ресурсы. 13 августа 1555 г. воевода П. И. Шуйский распорядился о наделении архиепископа Гурия земельными владениями, дворовыми местами и промысловыми участками. Надо полагать, аналогичные пожалования были сделаны и Герману с Варсонофием¹⁹. К октябрю 1556 г. монастырь владел тремя деревнями (Конбарово, Сересово и Девлезерево) и Басурманской слободой²⁰. Правда, 14 мая 1557 г. слободу у него отобрали, но вместо нее предоставили 200 четвертей земли в другом месте²¹. Этот факт не следует интерпретировать как ущемление вотчинных прав монастыря, архимандрит Герман весьма умело отстаивал интересы обители. Когда между ним и протопопом Рождественского собора разгорелась земельная тяжба, то по результатам ее разрешения в феврале 1558 г. Успенскому монастырю было пожаловано село Утяково²².

Бесспорно, становление Свияжского Богородицкого монастыря как вотчинника началось именно благодаря государственным пожалованиям. Уцелевшие источники не содержат фактов нарушения обителью постановления Стоглавого собора 1551 г. о запрещении владыкам и монастырям приобретать землю у служилых людей, завещать вотчины в монастыри под страхом конфискации. Заботы, связанные со строительством и становлением обители в бурлящем окраинном регионе, к тому же еще только осваиваемом, вряд ли могли сочетаться с незаконными захватами земель служилых людей в первые годы после падения Казани и сопровождаться землеустроением, допускающим какие-либо махинации со стороны писцов. Ибо наделение служилых людей поместьями осуществлялось параллельно с пожалованиями кафедре и монастырям, и сложение этих, доселе не существовавших в регионе, новых форм феодальной собственности — дворцового, поместного и церковно-монастырского — началось с единого общего старта. Конфликты из-за земли между служилыми и учреждениями Церкви в начальный период колонизации региона вряд ли были возможными. Ведь источником сложения новых для региона форм землеустройства являлись в первую очередь конфискованные земли хана и знати. Недовольство или несогласие состоявшимися земельными раздачами и самовольным захватом ясачных угодий или выразить было некому (население их покинуло или погибло), или их проявление принимало форму восстаний. Поэтому требования о возврате незаконно приписанных писцами земель прежним владельцам не могут считаться нормами, определяющими модель поведения землевладельцев в Казанском крае в 50-е гг. XVI в.²³

Не случайно первая известная науке отказная и межевая книга 1565-1568 гг. Н. В. Борисова и Д. А. Кикина, регистрирующая факты отдела земель во владение, вплоть до Генерального межевания служила документом, юридически (нотариально) удостоверяющим право собственности конкретных землевладельцев и границы их владений²⁴. Не был, думается, актуальным для этого окраинного региона и подтвержденный в 1557 г. закон о выкупе вотчин, завещанных в монастыри, и приговор 1572 г. о запрете выкупать приобретенные церковью родовые земли²⁵. За православными людьми вотчин в регионе еще не было, они начнут появляться после Смоленской войны. И определенный указом от 9 сентября 1573 г. курс на запрет отдавать вотчины в большие и богатые монастыри, «чтобы в службе убытка не было, и земля из службы не выходила», уже стал учитываться в решении земельных споров с участием и духовных учреждений Казанского края. После Смуты в источниках появились и факты передачи служилыми своих поместных жеребьев в рассматриваемый нами монастырь²⁶.

Приговорами 1580 и 1584 гг. выкуп приобретенных церковью родовых земель был запрещен, вместо завещания монастырю вотчин впредь следовало делать денежные вклады. Заинтересованность правительства в закреплении владений за родами приобрела конкретные очертания. Владыкам и монастырям было запрещено приобретать вотчины по купчим и закладным, а также «впредь не прибавливать монастырям земли никоторымиделы»²⁷.

Неоднократное повторение одних и тех же запретов на приобретение земель, определенная непоследовательность и хитросплетения внутренней политики свидетельствуют, что эти установки и требования не соблюдались. Вместе с тем имеется убеждение, что правительство перешло к жесткому контролю положения дел в сфере землевладения. 3 декабря 1627 г. и 23 мая 1628 г. были изданы указы, запретившие дальнейшую раздачу дворцовых земель в вотчины или поместья²⁸. А в Соборное уложение 1649 г. под прямым давлением служилого сословия было включено положение, четко сформулировавшее запрет патриарху, митрополитам, монастырям «родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечной поминок не имати никоторыми делы, и в Поместном приказе за патриархом, и за митрополиты, и за архиепископы, и епископы, и за монастыри таких вотчин не записывать, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давати»²⁹.

Свияжский Богородицкий монастырь был достаточно активным участником колонизации новоприсоединенных земель и довольно быстро превратился в крупного землевладельца и феодала. В 1565-1568 гг. писцы Н. В. Борисов и Д. А. Кикин зафиксировали за монастырем 11 населенных пунктов, в трех из которых обитель имела собственные дворы. Количество дворов зависимого населения составляло 84, в том числе четыре двора пустовало. Часть крестьян занималась земледелием, другая — промыслами. Отдельные крестьяне поселились на землях монастыря недавно и получили освобождение от налогов до 1572-1574 гг. Земельные ресурсы обители состояли из 263 четвертей пашни, 205 четвертей перелога, 2 460 четвертей сена, 315 десятин пашенного и 95 десятин непашенного леса (имелся еще поверстный лес — 4×2 кв. верст). По сведениям, предоставленным самим

монастырем, его доход составлял 14 рублей 8 алтын и 2 деньги³⁰. Эта сумма, по всей видимости, не могла удовлетворить запросы и нужды братии.

Монастырские власти использовали любую возможность расширения земельных владений, шаг за шагом и очень осторожно внедрялись в ясачные пределы. Так, архимандрит Иоасаф в мае 1572 г. добился передачи в вотчину за годовое жалованье деревни Савины и мельницы на реке Сулице, находившихся за служилыми людьми на оброке из расчета 7 рублей 29 алтын с деньгой в год³¹. В итоге обитель получила 8 четвертей доброй пашенной земли и 50 четвертей зарослей в одно поле, 50 копен сенных покосов и лес, площадью примерно 1 кв. верста. В общей сложности, без учета лесных площадей, монастырь приобрел 92 десятины, более 100 га сельхозугодий.

Грамотой от 26 августа 1584 г. за обителью были оформлены «порозжие» полянки, смежные с монастырскими землями. Общая площадь полянок, включая две слободки, составила 6,5 четвертей с третником полуосьминным в одно поле, т. е. 10 десятин в три поля, или чуть более 10 га³². К лугам «прилагался» лес, площадью 0,5×1 верст.

Пополнению монастырской вотчины способствовала сдача служилыми людьми своих поместий. Например, в 1614 г. служилый татарин Акмухамед Ямикеев сын и служилый новокрещен Данила Антипьев сын именно так распорядились своим «государевым жалованьем», передав архимандриту Корнилию «з братьею» свои земли, луга и уголья в деревне Хозяшеве Свияжского уезда³³. О причинах такого шага можно только догадываться. Однако эти приобретения возбудили «аппетит» монастыря, который стал добиваться передачи себе в вотчину сдаточных поместий с дворами и жеребьями новокрещена Матвея Тимеева и служилых татар Акбулата Амикеева и Кабека Урушева — 36 четверти в одно поле (108 четверти или 54 десятин в три поля, или более 58 га) в том же селе Хозяшеве. За ними также были участки леса и другие уголья «против пашни»³⁴.

К 1621 г. пашенные уголья монастыря почти удвоились и составили 834 четверти с полуосьминою и полполтретником в одно поле*. Площадь лугов возросла на тысячу и достигла 3 460 копен; если исходить из 10 копен на десятину, то этот показатель будет соответствовать 346 десятинам**. Размеры вотчинного леса остались прежними (410 десятин), соотношение его пашенной и непашенной части также не изменилось. Поверстного леса «в розни» стало чуть больше: его общая площадь равнялась 48 кв. верстам³⁵.

В 1630-е гг. монастырь продолжал активно расширять свои владения и оказывался в центре земельных тяжб с другими землевладельцами. В отдельных случаях земельные конфликты продолжались десятилетиями, в течение которых менялись архимандриты, на смену умершим служилым приходили другие помещики, и каждый доказывал свою правоту. Несмотря на незаконность своих действий, монастырь, как правило, выигрывал судебные тяжбы. Но бывало, что статус монастыря в средневековом обществе не останавливал служилых людей от самовольных захватов его владений. Непримируемыми противниками монастыря-вотчинника на долгие годы стали помещики деревни Русские Ширданы. Владения

* Что составляет 1 252 десятины, или почти 1 365 га.

** 346 десятины составляют более 377 га.

служилых граничили с землями монастырских деревень Кичемирово и Юртово³⁶. В 1593/94 и 1637/38 гг. по челобитью сторон посылались дозорщики: в первый раз — казанец Пётр Свечин, во второй — свияженин Иван Большой Крестников. Каждый из агентов провел разграничение земель в соответствии с прежними межевыми книгами («поновляли грани и всякие признаки учиняли»). Однако каждое последующее поколение помещиков уничтожало межевые признаки, и тяжба вспыхивала вновь: «и те де поновленные грани после тех выше писанных помещиков Исака Правшина с товарищи той деревни новые помещики порубили и повыжгли, и коренья повыкопали, и дороги перепаживали». Более того, помещики «вторгались» в поверстный монастырский лес, приписанный к деревне Вязовой и другим деревням и слободкам, расположенным вверх по течению р. Волги, оформляли за собой в дачи, указывая в своих челобитных, что распахали «порозжий», т. е. бесхозный, лес. В этом многолетнем изматывающем противостоянии монастырь все же одержал верх: в 1638/39 г. по результатам дозора И. Крестникова спорные земли были ему возвращены³⁷.

Объектом притязаний обители, расположенной в Свяжском уезде, становились сельскохозяйственные угодья, входившие в состав других, смежных уездов. К примеру, пустошь Мамадыш «с луги, и с сенными покосы, и со озеры, и в реке Вятке с рыбными ловлями и з заводьми, и с лесы, и з бобровыми гоны, и з бортными ухोजьи, и со всякими угодьи, что к той пустоши было изстари по тягло», на которые 3 июля 1613 г. архимандриту Корнилию «с братьею» была выдана ввозная грамота, относилась к Казанскому уезду. В результате оформления этих земель монастырю в вотчину, его владения расширились на 178 четвертей пашни в три поля и примерно на 600 копен сена. До этого момента пустошь находилась за обителью на оброке с условием уплаты пяти рублей в год³⁸. Подобный способ умножения владений через первоначальное оброчное держание не был единичным случаем для свияжской обители.

Монастырю приходилось мириться с оброчным статусом эксплуатируемых земель довольно продолжительное время. В частности, пять «порозжих» дворов служилых татар с 36 четвертями пашни в одно поле, 360 копами сена и другими угодьями, за право пользования которыми обитель платила в казну в Свяжске 1,5 рубля и по 5 четвертей ржи и овса в год, а также 1 550 копен сенокосов под селом Исаковым, за которые вносила 5 рублей 20 алтын в год, были переданы ему в вотчину после восьми лет оброчного пользования³⁹. Безусловно, планы и устремления монастыря корректировались общей линией политики царского правительства, не склонного допускать дальнейшее укрепление имущественно-феодалных позиций своего и без того экономически сильного конкурента — церкви. Тем более что ее усиление происходило за счет ущемления интересов казны.

В 1627 г. казанским воеводой боярином Василием Петровичем Морозовым «с товарищи» архимандриту Левкею «с братьею» были переданы на условиях уплаты оброка оставленные прежними владельцами угодья по обеим сторонам реки Малая Вошмица⁴⁰. Монастырь обязался ежегодно вносить в казну 4 рубля 5 алтын и 4 деньги* до «перекупки», т. е. до появления нового претендента на эту пустошь, готового платить больше указанной сум-

* Всего 234 деньги.

мы. Примечательно, что за выплачиваемую в качестве оброка сумму можно было купить хорошего коня (жеребца или мерина), и поэтому оброчники стремились оформить оброчные статьи в поместье или в вотчину⁴¹. Спустя десять лет, в 1637 г., оброчный статус земель был подтвержден казанскими же воеводами боярином Иваном Васильевичем Морозовым «с товарищи» в грамоте на имя архимандрита Герасима «с братьею». Монастырь был вынужден пойти на «наддачу», т. е. согласился платить чуть больше ранее взимавшейся суммы. Величина оброка достигла 5 рублей 10 алтын. Хотя добиться передачи пустоши в вотчину монастырю еще не удалось, решительный шаг в данном направлении был сделан: пустошь была передана на оброк без права «перекупки»⁴². Данное обстоятельство сыграло свою роль в том, что у монастырского руководства сложилось представление о неизбежности в последующем оформлении пустоши в собственность и о правомерности расширения своих полномочий, граничивших с вседозволенностью и безнаказанностью. Ведь, в сущности, после завершения периода казанских или «черемисских» войн оно не встречало сопротивления своим действиям со стороны разочаровавшегося в прежних представлениях об устройстве мирового порядка и потому в подавляющем своем большинстве инертно-безучастного населения бывшего Казанского ханства. Но неожиданно монастырь столкнулся с проявлением нежелания вливаться в число феодально-зависимых от него людей со стороны лиц, прибывающих в регион из других уездов, и оказался, в конечном счете, в проигрыше.

Дело в том, что засуха и последовавшее повышение цен на хлеб заставили жителей покинуть дворцовое село Мурашкино. Оказавшихся в Казани дворцовых крестьян архимандрит Свяжского Успенского монастыря призвал поселиться на своей оброчной пустоши. Понятно, что оживание пустоши руками крестьян-новоприходцев для монастыря было весьма малозатратным, ведь это освобождало его от необходимости обрабатывать землю наездом. Новоприбылые крестьяне были посажены на землю с условием уплаты оброка в размере 40 алтын «з гривною». Такое положение устраивало, по всей видимости, и самих крестьян, развернувших активную хозяйственную деятельность и основавших три новых починка — Максимов, Беляев и Комаров. К тому времени в вотчинное владение монастыря отошло село Мамадыш, оживленное из пустоши. Оно располагалось недалеко от новых починков и вполне могло включить в свою хозяйственную орбиту и оброчную пустошь. Поэтому у архимандрита появилась идея переселить этих удельных крестьян с пустоши при реке Малой Вошмице на свои вотчинные земли. Однако перспектива оказаться монастырскими дворцовых крестьян не устраивала. Жители починка Максимова, Данил Аксенов «с товарищи», обратились с челобитной о дозволении жить в основанном ими населенном пункте «за государем». Был произведен сыск, переписаны крестьянские и бобыльские дворы, и оброчные починки с их жителями отошли в казну⁴³.

Необходимо отметить, что в расширение вотчины Свяжского Богородицкого монастыря существенную лепту внесли крестьяне, чья хозяйственная инициатива и самовольные захваты новых территорий находили поддержку и осуществлялись с молчаливого согласия руководства обители. Явочные челобитные пострадавших от их действий помещиков часто просто не принимались во внимание⁴⁴.

Наряду с пахотными землями и лугами монастырю предоставлялись (жаловались) и промысловые угодья, участки для ловли рыбы в реках и озерах, а также мельницы. Какое-то время монастырь осуществлял контроль над Анатышским перевозом*. Правда, источники не позволяют судить об объеме и условиях возложения прав владения этим одним из узловых пропускных пунктов, контролирующих перемещение по Волге и Каме⁴⁵. При всех сложностях организации и осуществления контроля, по всей видимости, перевоз приносил монастырю определенный доход: часть или даже вся сумма собранных пошлин за проезд и перевоз шла в монастырскую казну. Впечатляет факт «компенсации», данной за отобранный перевоз: общая протяженность пожалованных взамен перевоза водных участков составила 50 верст (если исходить из путевой версты, то этот показатель соответствует 54 км). Следует учесть, что помимо волжской акватории, в частности вод Волги от Белогредцких песков вниз по устью Казанки, и вод Свияги от устья до Тихого плеса, монастырю было предоставлено право ловить рыбу во всех озерах в бассейне этих рек, включая водоемы, остающиеся после весеннего половодья. До передачи монастырю эти «рыбные ловли» находились на оброке за дворцовыми крестьянами Богданом Шафранниковым «с товарищи», вносившими в казну ежегодно 16 рублей 3 алтына 4 деньги. К тому времени монастырь уже имел участки в Волге и Каме с правом ловли рыбы «десятью связки да пятью оханы безоброчно и безпошлинно»⁴⁶. Пожалование участков было осуществлено еще царем Иваном Грозным и подтверждено царем Фёдором Ивановичем.

По сыску Ивана Головина да дьяка Леонтия Рязанцова, инициированному челобитной, в 1591/92 гг. монастырю было отдано мельничное место на реке Щуке, где функционировала, очевидно, до разграбления мельница, последним известным владельцем которой являлся некто Аврам Кречков⁴⁷.

Монастырь брал на откуп провоз и доставку хлебных запасов, собранных в Чебоксарах, Козьмодемьянске, Цивильске и Ядрине, в Астрахань⁴⁸. Тем более что у монастыря имелись суда, ведь он не только курировал перевоз, но и промышлял рыболовством. В условиях того времени занятие рыболовным или учюжным промыслом было делом прибыльным. Акватория Средней и Нижней Волги издавна служила одним из источников пропитания не только населения татарских государств, по территории которых протекала Волга. Есть основания предполагать, что участки реки отдавались в аренду рыболовам из Московского государства. О степени прибыльности рыболовного промысла и эксплуатации залежей соли можно судить по стремлению монастырей центральных уездов, в частности Троице-Сергиева, закрепить за собой не только участки реки в верховьях и по среднему течению Волги, но и получить право на вывоз рыбы или соли из Астрахани и последующей торговли ими в городах по пути следования. А также по тому, что и другие монастыри Казанского края — Казанский Преображенский, Тетюшский Покровский и другие — получали в «жалованье» участки реки Волги и Камы. Да и потомки лояльных представителей феодальной знати бывшего Казанского ханства продолжали владеть вотчинными участками рек⁴⁹.

В соответствии с установившимся порядком решения насущной проблемы архимандрит Герман подал челобитную с просьбой о дозволении

* Село Анатыш ныне входит в Рыбно-Слободской район Республики Татарстан.

Свияжскому Богородицкому монастырю заниматься рыбным или соляным промыслом за годовую ругу. Просьба была удовлетворена: в 1584 г. монастырю было предоставлено право держать одно судно и один раз в год беспошлинно совершать на нем поездку в Астрахань с целью вывоза рыбы или соли и торговать ими в городах по Волге вплоть до Нижнего Новгорода⁵⁰. В июле 1606 г. царь Василий Иванович увеличил разрешенный объем вывоза соли или рыбы до 20 тысяч пудов⁵¹. В августе 1613 г. это пожалование было подтверждено царем Михаилом Фёдоровичем⁵². В декабре 1616 г. царь Михаил Фёдорович распорядился в очередной раз поднять разрешенный лимит вывозимой соли или рыбы до 30 тысяч пудов. Был также уточнен список городов, в которых дозволялась беспошлинная торговля этими товарами: отныне торговать ими и покупать «запасы» на монастырские нужды можно было в Свияжске, Нижнем Новгороде и Москве⁵³.

Монастырские крестьяне активно занимались и перекупной хлебной торговлей, а также лесными промыслами. Особенно преуспевало в этом село Мамадыш (Троицкое), находившееся на пути в Вятскую и Оренбургскую губернии. Закупая хлеб на юге и юго-востоке, жители села торговали им по Каме и Волге, а с Вятки привозили лесные изделия.

Как видим, пути и способы приобретения земель и угодий, сложения монастырской вотчины и спектра промыслов были достаточно разнообразными и предопределили палитру сферы его деятельности как хозяйствующего субъекта. При этом увеличению площади пашенных земель способствовала позиция царского правительства, не препятствовавшего распадке монастырского леса и поддерживавшего вотчинные устремления обитатели. До определенной поры превращение этого окраинного монастыря в крупного вотчинника его вполне устраивало, оно понимало, что состоятельный и «зарабатывающий» монастырь мог содержать себя сам. И тот факт, что уже при царе Фёдоре Ивановиче выплата монастырю руги была сокращена: «оклад им учинен по жалованной грамоте блаженные памяти дяди нашего государя царя и великого князя Фёдора Ивановича всеа Руси; и наше жалованье в той их монастырской земле», свидетельствует о сложении у монастыря к началу XVII в. прочной материальной базы⁵⁴.

Для того, чтобы эту неуклонно расширяющуюся имущественную составляющую включить в сельскохозяйственный оборот и получать прибыль, нужны были рабочие руки. Испытывая в них нужду, монастырские власти прибегали к разным способам решения проблемы. Один из них заключался в предоставлении периодически прибывающему в регион населению возможности расселиться на монастырских землях. Случалось, что принцип добровольности размещения порой игнорировался, но будучи состоятельным хозяйственником, монастырь мог предоставить более приемлемые условия жизни, чем, скажем, служилый человек. И это обстоятельство иногда примиряло стороны. Да и применение первенствующего оружия — слова — вкупе с реализацией своей главной миссии умножали ряды его крестьян. В результате к середине XVII в. по числу дворов зависимых людей Свияжский Богородицкий монастырь стал самым крупным феодалом среди монастырей региона: в 1661 г. за ним было записано 1 247 дворов, против 1 142 дворов трех вместе взятых монастырей Казани — Преображенского, Зилантова и Фёдоровского. Тогда как Арзамасский Троицкий монастырь имел 247 дворов, Ядринский Успенский — 15, Чебокс-

сарский Троицкий — 115, Козьмодемьянская пустынь — 18. За Казанским Преображенским имелся 821 двор⁵⁵.

Другим, чисто экономическим способом решения проблемы нехватки рабочих рук стала практика передачи земель в наем. Сдача в аренду осуществлялась на публичных торгах, поэтому источники об этом сообщают словом «торгуют». К тому же цены на оброчные статьи постоянно колебались, пересматривались и производились «наддачи», эти операции в свою очередь квалифицировались в качестве «торгов».

Подводя итог беглому освещению истории становления и развития Свяжского Богородицкого монастыря, отнюдь не претендующему на полноту и исчерпанность, следует заметить, что на протяжении первых столет своего существования он являлся одним из привилегированных монастырей, в формировании владений которого определяющую роль сыграли земельно-иммунитетные пожалования государства. Как известно, в середине XVII столетия благосклонное отношение правительства к вотчинным устремлениям духовных учреждений стало трансформироваться в целенаправленное ограничение их имущественных позиций. Землевладение же Свяжского Богородицкого монастыря продолжало умножаться вопреки этим ограничениям. Однако изложение дальнейшей динамики землевладения обители не входит в задачи данной статьи*.

* Работа выполнена в Казанском федеральном университете.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. — М., 1968. — С. 133.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. 1. 1334-1598. — № 241/1. — С. 257-259; Свод письменных источников по истории Свяжского края. Вып. 1. Источники по истории Свяжского края второй половины XVI в. / Сост. Д. А. Мустафина. — Казань, 2011. — С. 153-155.
3. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI — середина XVII в.): Тексты и комментарии / Сост.: И. П. Ермолаев, Д. А. Мустафина. — Казань, 1990. — С. 28-30; Свод письменных источников... — С. 151-153.
4. Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. — 1973. — Вып. 116. — С. 34; Свод письменных источников... — С. 167-168.
5. Акты, собранные в библиотеках... — Т. 1. — № 247. — С. 269; Свод письменных источников... — С. 169-170.
6. Акты, собранные в библиотеках... — Т. 1. — № 248. — С. 270; Свод письменных источников... — С. 173-174.
7. Акты, собранные в библиотеках... — Т. 1. — № 248. — С. 270; Свод письменных источников... — С. 174.
8. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 1-8.
9. Там же, л. 22.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 281, оп. 12, д. 51/6459, л. 1-3.
11. Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII веков (По архиву Троице-Сергиевой Лавры). — М., 2004. — С. 240.

12. Русский дипломатарий. – М., 2001. – Вып. 7. – № 106. – С. 211.
13. РГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 8/11466, л. 14.
14. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 313, л. 505-506.
15. Там же, д. 336а, л. 1; Акты, собранные в библиотеках... – Т. 3. – № 86. – С. 119-121.
16. Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения... – С. 34; Свод письменных источников... – С. 167-168.
17. Акты, собранные в библиотеках... – Т. 1. – № 241/IV. – С. 261; Свод письменных источников... – С. 212-213.
18. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 15.
19. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1841. – Т. 1. – № 162. – С. 298-299; История Татарии в материалах и документах. – М., 1937. – С. 153; Свод письменных источников... – С. 159-161.
20. Документы по истории... – С. 30-32; Свод письменных источников... – С. 175-177.
21. Прибавления к Казанскому вестнику. – 1829. – № 35. – С. 279-280; Свод письменных источников... – С. 178-180.
22. Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения... – С. 31-32; Свод письменных источников... – С. 189-190.
23. Царския вопросы и соборныя ответы о многообразных церковных чинех. Гл. 75. Соборный ответ о вотчинах и о куплях, которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам и по своих родителей в вечной поминок и в наследие благ вечных / Изд. Н. Субботин. – М., 1890. – С. 73-74.
24. РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 23/6431, л. 16; ф. 281, оп. 17, д. 8/11466, л. 10; НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 3.
25. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. – М., 1982. – 184 с.; Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России / Послесл. В. Б. Кобрина, А. Л. Хорошкевич. – М., 1986. – С. 124; он же. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. – М., 1960. – 511 с.
26. Акты, собранные в библиотеках... – Т. 1. – № 154/XIX. – С. 270.
27. Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. – М., 1988. – С. 292; Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI в. – М., 1987. – С. 131-158; Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. – Л., 1975. – С. 68-71; он же. Россия накануне «смутного времени». – М., 1980. – С. 24-26.
28. Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII века. – М., 1959. – С. 453-460, 464, 470-477.
29. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. – М., 1985. – С. 188.
30. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565-1567 г.). – Казань, 1909. – С. 121.
31. Прибавления к Казанскому вестнику. – 1829. – № 32. – С. 255-256; Свод письменных источников... – С. 242-243; Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КФУ (ОРРК НБЛ КФУ), ед. хр. 1500, л. 35; НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 3.
32. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 336, л. 1-3.

33. Там же, д. 377, л. 31; д. 378, л. 32.
34. Там же, д. 309, л. 6.
35. Документы по истории... – С. 84-92.
36. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 355, л. 395-398; д. 342, л. 493-494.
37. Документы по истории... – С. 119-125.
38. РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 38/6446, л. 1-3; НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 5; Документы по истории... – С. 87-88.
39. Документы по истории... – С. 88.
40. РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 52/6460, л. 1-3.
41. Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. – Казань, 1859. – Т. 1. – № 14. – С. 26-28.
42. РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 60/6468, л. 1-3.
43. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. 1. – Ч. II. Социально-экономические отношения в Казанском крае, в Саранском и Темниковском уездах в XVII в. / Под ред. проф. А. И. Яковлева. – Саранск, 1951. – С. 8-11.
44. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 317, л. 400-421.
45. Документы по истории... – С. 87.
46. НА РТ, ф. 191, оп. 1, д. 309, л. 1-5.
47. Документы по истории... – С. 87.
48. Нижний Новгород в XVII веке. – Горький, 1961. – С. 68-70; Козьмодемьянск в конце XVI — начале XX веков: документы и материалы по истории города / Сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 19-21.
49. ОРРК НБЛ КФУ, ед. хр. 1303/8, л. 1 (775).
50. Акты, собранные в библиотеках... – Т. 1. – № 322. – С. 382-383; История Татарии в материалах... – С. 158-159.
51. Документы по истории... – С. 60-62.
52. Там же. – С. 62.
53. Акты, собранные в библиотеках... – Т. 3. 1613-1645. – № 86. – С. 119-121.
54. Документы по истории... – С. 86.
55. РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 191, л. 1-4.

№ 1. 1627 (7136) г. октября*. –

Оброчная грамота (по указу царя Михаила Федоровича)
казанского воеводы боярина Василия Петровича Морозова,
Василия Васильевича Волынского, дьяков Ивана Борнякова
и Федора Степанова архимандриту Свяжского Богородицкого
монастыря Левкею «с братьею» на пустошь по обе стороны реки
Малая Вошмица в Казанском уезде

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярин и воевода Василей Петрович Морозов, Василей Васильевич Волынской да дьяки Иван Борняков, Федор Степанов дали грамоту Свяжского Богородицкого

* Часть листа с числом месяца утеряна (здесь и далее подстрочные примечания к документам автора вступительной статьи).

монастыря архимариту Левкею з братьею для того. В нынешнем во 137-м году били они челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, а сказали, есть де пустошь вверх по речке по Малой по Вошмице по обе стороны на версту. А лежит де та пустошь в пусе, не владеет ею ни хто, и государю б их пожаловати, велети Гаврила Левашова нынешняго 137-го году написано: государева дворцового села Тресвяцкого да митрополичья села Амары крестьян да новокрещенов деревни Ибряш десять человек сказали по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси крестному целованью да чюваша деревни Кирмень да деревни Анзирки да деревни Комузань шесть человек сказали по своей вере по шерти: та пустошь // (л. 2) по речке по Малой Вошмице по обе стороны лежит в пусе издавна и наперед сего в дачах ни за кем не бывала, а косят на ней сено чюваша деревни Езекеевы. А чюваша деревни Исекеевы Байбулат да Байсарко с товарищи сказали, грамоты деи у них на ту пустошь нет, владеют за пусто, а пашни четвертные на той пустоши по обе стороны Малые речки Вошмицы под перелогом чистые земли на десять четьи в поле, а в дву по тому же, да лесом большим поросло на десять четьи в поле, а в дву по тому же, а сенных покосов на той пустоши по дуброве на двесте копен, а иных угодей никаких нет. А около тое пустоши прилег лес черной большой. И Свяжсково Богородицкого монастыря архимариту Левкею з братьею тою пустошью, что вверх по речке по Малой по Вошмице по обе стороны владети из оброку. А оброку им с тое // (л. 3) пустоши в государеву казну платити с чистые земли с пятинатцати десятин з десятины по шти алтын по четыре деньги, итого три рубли да з сенных покосов з двусот копен по денге с копны, итого рубль. И обоего платити им с тое пустоши оброку по четыре рубли да с того оброку пошлин по шти алтын по четыре деньги на год. А впервые им оброк и пошлины в государеву казну заплатити в нынешнем во 137-м году, а вперед платити потому ж ежегод беспереводно до тех мест, хто тое пустошь на оброк из натдачи возьмет.

К сей грамоте государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать царства Казанского приложил боярин и воевода Василей Петрович Морозов, лета 7136-го, октября в [... день]*.

На обороте: Справил подьячей Гаврилко Васильев**.

Скрепа: Диак Иван Борняков.

РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 52/6460, л. 1-3***.

№ 2. 1637 (7145) г. июля 19. –

Оброчная грамота казанских воевод

боярина Ивана Васильевича Морозова, князя Никиты Никитича

Гагарина, дьяков Никифора Талызина, Леонтия Полуехтова

архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Герасиму

* Кусок листа с начертанным числом месяца утрачен.

** На обороте же пометы: «Казань № 114 / № 83 [написано зеркально, последующее поперек листа] / октября / чист / нет / грам.».

*** Подлинник на трех листах: 150×370, 150×288; 150×275 мм; сохранился след от печати диаметром 20 мм. К листу 1 приклеен лист 150×88 мм, на него наклеены типографские ярлыки архивный, рядом с которым приписано: «7136 года / Казанскаго у.» и Разборного комитета 1735 г. На обороте пометы: Казань № 114; № 83; поперек листа: октября /чист/ нет /грам.». Сохранность относительно удовлетворительная. Публикаций не известно, упоминание см.: Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: Хронологический перечень документов. – Казань, 1980. – С. 90 (№ 573).

«с братьею» на пустошь по обе стороны реки Малая Вошмица и
прилегающий к пустоши черный лес в Казанском уезде

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярин и воеводы Иван Васильевич Морозов, князь Никита Никитич Гагарин, дьяки Микифор Талызин, Леонтей Полуэхтов дали грамоту Свяжского Богородицкого монастыря архимориту Герасиму з братьею на пустошь вверх по речке по Малой Вошмице по обе стороны, а около тое пустоши прилег лес черной большой, для того. В нынешнем во 145-м году били они челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси. А сказали, в прошлом де во 137-м году дано им в Казанском уезде к вотчине к сельцу Мамадышу пустошь по речке по Малой Вошмице из оброку, а оброку с той пустоши платят в государеву казну в Казани по четыре рубли по две гривны на год, и владеют они тою пустошью девятой год, и вперед де они тое пустоши росчищать не смеют для перекупки, и государю б их пожаловати, велети им тое пустошь дать в дом Пречистыя Богородицы к сельцу Мамадышу ис того ж оброку без перекупки.

А по дозору Гаврила Левашова 137-го году в той пустоши четвертные пашни по обе // (л. 2) стороны Малые речки Вошмицы под перелогом чистые земли на десять чети в поле, а в дву по тому ж, да лесом большим поросло на десять чети в поле, а в дву по тому ж, а сенных покосов по дуброве на двесте копен, а иных никаких угодей нет. А около тое пустоши прилег лес черной.

И в нынешнем во 145-м году по приговору боярина и воевод Ивана Васильевича Морозова, князя Никиты Никитича Гагарина, дьяков Микифора Талызина да Леонтья Полуехтова та пустошь по речке Малой Вошмице по обе стороны, а около тое пустоши прилег лес черной большой, дана на оброк бес перекупки у Свяжского Богородицкого монастыря архимариту Герасиму з братьею, или хто по нем иные архимариты и братья в том монастыре будут. А платить им с тое пустоши старого оброку и пошлин по четыре рубли по две гривны на год да новые наддачи два рубли пошлин три алтына две деньги, и обоего прежнего оброку и с новою наддачею платить им по штирублев да пошлин по десети алтын. А новую наддачу оброк и пошлины заплатить им в нынешнем во 145-м году. // (л. 3) А отдана им та пустошь на оброк бес перекупки, потому что со 136-го году по нынешней 145-й год о той пустоши на оброк из наддачи никто не бивал челом.

К сей грамоте государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать царства Казанского приложил боярин и воевода Иван Васильевич Морозов, лета 7145-го, июля в 19 день.

На обороте: справил Гришка Амиев.

РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 60/6468, л. 1-3*.

* Подлинник на трех листах: 140×392, 140×380, 140×180 мм; сохранился след от печати диаметром 20 мм; к листу 1 приклеен лист 142×110 мм, на который наклеены ярлыки. Имеются пометы: «Казань № 115/116 (зачеркнуты цифры «116» и помечено «ч») / № 91; поперек листа: «июля 12 / грам. / 115. Водяной знак — изображение нижней половинки одноручного кувшина, подобный см.: Гераклитов А. А. Филлиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения / Послесл. и коммент. С. А. Клепикова. — М., 1963. — С. 114. — № 588-592 (1626-1630). Изображение нижней половинки головы шута идентифицировать не удалось. Публикаций не известно, упоминание см.: Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: Хронологический перечень документов. — Казань, 1980. — С. 94 (№ 606).

Публикацию подготовила
Дина Мустафина,
кандидат исторических наук